

A young girl with red hair tied in a bun, wearing a red cloak, stands in the foreground looking up at a massive, blue and gold dragon. The dragon is breathing fire and has its mouth open, showing sharp teeth. The background is a snowy, mountainous landscape with a waterfall.

Александр Восьмой

**СКАЗКА Дракон Инфляция
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**СКАЗКА Дракон Инфляция
(Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

СКАЗКА Дракон Инфляция (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Дракон Инфляция пожирает запасы королевства, делая золото всё легче, а товары — всё дороже. Юная храбрая стражница отправляется в ледяной замок, где живёт дух Стабилизации, чтобы узнать, как укротить пламя роста цен. По пути она встречает купцов, банкиров и простых жителей, каждый из которых рассказывает свою историю о том, как инфляция меняет их жизнь. Сказка про инфляцию, денежную политику и важность баланса — в эпичном противостоянии стихий.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

СКАЗКА Дракон Инфляция

(Даффи Толстяк)

Глава 1. «Рассвет над Королевством Золотых Равнин»

Первые лучи солнца, будто расплавленное золото, разлились по холмам Королевства Золотых Равнин. Они скользили по черепице крыш, зажигали искры в оконных стёклах и превращали росу на полях в россыпь драгоценных камней. Воздух был напоён ароматом свежего хлеба и нагретой солнцем пшеницы — казалось, само королевство дышало изобилием.

В амбарах шуршало зерно, в казне звонко перекатывались золотые монеты, а на главной площади уже разворачивали прилавки торговцы. День обещал быть добрым, щедрым, полным сделок и улыбок. Но если прислушаться... если замереть среди этой суеты и втянуть воздух чуть глубже, можно было уловить в нём нечто странное. Не запах дыма и не грохот грозы — а тихий, едва слышный шёпот тревоги.

Он витал над рынком, где пекарь хмурился, пересчитывая монеты. Он прятался в складках плаща купца, который вздыхал, глядя на цены на специи. Он дрожал в голосе старейшины, когда тот шептал соседям: «Ещё немного — и мы не сможем позволить себе то, что раньше брали не задумываясь».

Этот шёпот был похож на дыхание невидимого зверя.

На крепостной стене, где рассвет окрашивал камень в розовые и янтарные тона, стояла юная стражница Лира. Её доспехи, выкованные из стали и украшенные тонкой гравировкой в виде колосьев, ловили свет и отражали его, словно говоря: «Мы готовы защищать то, что дорого». В её глазах, серых, как утренний туман над рекой, читалась не просто бдительность — в них жила потребность понимать. Лира не любила поверхностного спокойствия. Она знала: тишина — не всегда знак мира. Иногда это затишье перед бурей.

— Опять хмуришься, Лира? — раздался за её спиной голос старого мастера Оружейника. Он подошёл бесшумно, как умеют только те, кто прожил долгую жизнь и научился быть частью мира, а не его нарушителем. В руках он держал чашку горячего чая, пар от которого таял в прохладном воздухе. — Солнце такое доброе сегодня. Почему бы не улыбнуться ему?

Лира не обернулась. Она смотрела вдаль, туда, где за полями начинался лес, а за лесом — горы, у подножия которых, по легендам, прятались древние пещеры.

— Доброе солнце не спасает от холода, если в доме пусто, — тихо ответила она. — Ты слышал, что говорят внизу? Пекарь говорит, что мука подорожала. Ткачиха — что шерсть стала роскошью. А ведь ещё месяц назад всё было иначе.

Оружейник вздохнул и оперся о каменную кладку рядом с ней.

— Говорят, это невидимое пламя, — произнёс он, понизив голос, будто боялся, что стены могут подслушать. — Оно не сжигает дома, не опалает поля... но делает золото легче, а товары — тяжелее. Старейшины шепчутся о Драконе Инфляции. О том, что он не дышит огнём, а выдыхает рост цен. И чем больше он дышит, тем меньше мы можем купить на свои монеты.

Лира наконец повернулась к нему. В её взгляде вспыхнул огонёк — не страха, а решимости.

— Дракон... — повторила она, пробуя слово на вкус. — Если это дракон, значит, у него есть логово. Значит, его можно найти. И если он крадёт у людей их труд, их надежды, их будущее — значит, я должна его остановить.

Оружейник посмотрел на неё с грустной улыбкой.

— Не так просто сражаться с тем, кого не видишь, дитя. Этот враг не оставляет следов на земле. Его когти — это цифры на пергаментях, его зубы — проценты в договорах. Он живёт в разговорах, в решениях, в том, как мы обращаемся с нашим богатством.

Но Лира уже приняла решение. Её пальцы сжались на рукояти меча — не для того, чтобы рубить, а чтобы напомнить себе: долг стражницы — защищать не только от явных угроз, но и от тех, что прячутся в тенях.

В этот момент на площадь перед замком вышел старый мудрец Элиан. Его мантия была выцветшей от времени, но на ней всё ещё можно было разглядеть вышитые символы — весы, монеты, спирали, означающие движение и равновесие. Он поднял руку, и шум рынка постепенно стих. Даже птицы, казалось, перестали петь, прислушиваясь к его словам.

— Слушайте, жители Королевства Золотых Равнин! — голос мудреца был тихим, но проникал в самое сердце. — Сегодня солнце светит так же ярко, как и вчера. Но тень, что ложится на нашу землю, становится длиннее. Мы стоим на пороге перемен — и не все они будут добрыми. Я видел знаки в звёздах, слышал их в ветре, читал в трещинах на древних камнях. Имя нашей угрозы — Дракон Инфляция. Он не придёт с армией, не разрушит стены. Он будет действовать тише змеи, незаметнее тени. Он сделает так, что наши монеты перестанут быть мерилем труда, а наши мечты — станут слишком дорогими.

Толпа зашептала. Кто-то отмахнулся, кто-то перекрестился, кто-то сжал кулаки, словно готовясь к битве. Но Лира слушала не толпу — она слушала тишину между словами мудреца.

— Что мы можем сделать? — крикнула она, шагнув вперёд, так что её голос прозвенел над площадью, как удар колокола. — Если этот дракон реален, если он угрожает нашему дому — скажите, как его победить!

Мудрец посмотрел на неё долгим взглядом, в котором смешались печаль и надежда.

— Чтобы победить Дракона Инфляции, нужно сначала понять его природу, — ответил он. — А для этого придётся отправиться туда, где рождается равновесие. В Ледяной замок Стабилизации, где живёт Дух, способный укротить пламя роста цен. Путь будет долгим, трудным и полным испытаний. Не каждый сможет его пройти. Но тот, кто пройдёт, вернётся с знанием, которое спасёт королевство.

Площадь замерла. Даже ветер, казалось, затаил дыхание.

Лира выпрямилась, расправив плечи. Её сердце билось ровно, но в груди разгорался огонь — не разрушительный, как у Дракона, а тёплый, как пламя очага, согревающий и дающий свет.

— Я пойду, — сказала она твёрдо. — Я найду Ледяной замок. Я узнаю, как укротить это пламя. И я вернусь, чтобы защитить наш дом.

Кто-то в толпе ахнул. Кто-то прошептал: «Она сошла с ума». А кто-то — тихо, но отчётливо — произнёс: «Может быть, именно она и спасёт нас».

Солнце поднималось всё выше, заливая Королевство Золотых Равнин золотым светом. Но теперь в этом золоте Лира видела не только богатство — она видела и хрупкость. Золото могло блеснуть, но оно могло и таять, если не беречь его.

С этого рассвета всё изменилось.

Путь начался.

Глава 2. «Тень над рынком: как золото стало легче»

Если в первой главе Королевство Золотых Равнин дышало спокойствием, то теперь его дыхание сбилось. Рынок, который ещё вчера казался сердцем королевства — живым, тёплым, полным радостного гула, — сегодня походил на поле после грозы: всё на месте, но воздух тяжёлый, пропитан тревогой, и каждый звук отдаётся болью.

Ли́ра спустилась с крепостной стены, оставив позади рассветную тишину, и шагнула в водоворот рыночной суеты. Но это была уже не привычная суета — не весёлый торг, не азарт выгодной сделки. Это был хаос, приправленный отчаянием.

На прилавке пекаря, где ещё неделю назад горкой лежали румяные буханки, теперь стояла всего одна — маленькая, будто стыдящаяся своей скромности. Сам пекарь, добродушный толстяк с руками, вечно в мучной пыли, стоял, склонившись над счётами, и его пальцы дрожали, перебирая костяшки.

— Три монеты за буханку? — переспросил покупатель, голос его звучал не гневно, а растерянно, как у человека, который вдруг перестал узнавать родной дом. — Но ведь на прошлой неделе было две!

Пекарь поднял глаза, и в них Ли́ра увидела не жадность, а усталость, глубокую, как колодец.

— Прости, добрый человек, — тихо ответил он. — Мука подорожала. Дрова — тоже. Если я продам дешевле, мне не на что будет испечь завтрашний хлеб. А если не будет хлеба... — он сглотнул, не договорив.

Ли́ра подошла ближе. Её доспехи, такие уместные на стене, здесь казались чужими — слишком твёрдыми для этого места, где люди теряли опору под ногами.

— Почему мука стала дороже? — спросила она, стараясь говорить мягко, как спрашивают у раненого, что болит сильнее.

Пекарь посмотрел на неё, будто впервые заметил.

— Говорят, на мельнице зерна стало меньше... или монет стало больше. Не знаю. Знаю только, что когда я пришёл за мукой, мельник посмотрел на мои монеты и покачал головой: «Этого мало». А ведь я принёс столько же, сколько и в прошлый раз! — его голос дрогнул. — Получается, золото стало легче. Оно больше не держит вес.

«Золото стало легче», — повторила про себя Ли́ра, и эти слова отозвались в ней холодом. Не метафора, не поэтическая вольность — а горькая правда, которую люди чувствовали кожей.

Она пошла дальше, мимо прилавков, где каждый торговец рассказывал свою версию одной и той же беды.

Ткачиха, чьи ткани раньше славились на всю округу, теперь сидела над пустым станком.

— Шерсть... — прошептала она, глядя куда-то сквозь Ли́ру. — Я не могу купить шерсть. Цены взлетели так, что даже если я продам все свои ткани, этого не хватит. Мои дети будут ходить в лохмотьях, потому что я не могу работать. — Она сжала кулаки, и в этом жесте было столько бессильной ярости, что Ли́ра невольно сделала шаг назад. — Это не жадность. Это... это как будто мир перевернулся. Мы работаем, стараемся, а становимся только беднее.

У лавки кузнеца собралась небольшая толпа. Кузнец, огромный, с руками, похожими на стволы деревьев, стоял, скрестив руки на груди, и лицо его было мрачнее грозовой тучи.

— Железо дорожает, — буркнул он, когда Ли́ра подошла. — Уголь — тоже. Я не могу держать старые цены. Если буду продавать дешевле, разорюсь. А если дороже — люди не смогут купить. Замкнутый круг. — Он посмотрел на неё тяжёлым взглядом. — Ты стражница. Защищай нас от врагов с мечами. А кто защитит от врага, который крадёт у нас будущее, ничего не ломая?

Ли́ра не знала, что ответить. Она видела теперь: это не отдельные беды, не череда неудач. Это единая волна, которая накрывала королевство, смывая уверенность, размывая планы, оставляя после себя только вопросы.

И тут она заметила нечто странное. На краю рынка, в тени навеса, сидел старик с пустыми счётами. Он не торговал, не кричал, не спорил. Он просто сидел, глядя на толпу, и в его глазах было знание — тяжёлое, обречённое.

— Ты видишь то же, что и я? — тихо спросила Ли́ра, опустившись рядом с ним на корточки.

Старик кивнул.

— Я вижу, как тает золото, — сказал он. — Не буквально, конечно. Металл остаётся тем же. Но его сила уходит. Представь, что у тебя есть верёвка, которой ты привязываешь лодку к берегу. Пока верёвка крепкая, лодка в безопасности. Но если волокна начинают гнить, она рвётся от малейшего волнения. Так и с деньгами. Они должны быть надёжной связью между трудом и вознаграждением. А сейчас эта связь слабеет.

— Но почему? — настаивала Лира. — Что происходит?

Старик вздохнул, и этот вздох был полон веков.

— Говорят, король приказал чеканить больше монет. Хотел, чтобы у всех было достаточно. Думал, что золото — это просто металл, и чем его больше, тем лучше. Но он забыл одну вещь: ценность золота не в его количестве, а в доверии к нему. Когда монет становится слишком много, люди перестают верить, что они чего-то стоят. И тогда цены растут — не потому что товары стали лучше, а потому что деньги стали хуже. Это как если бы ты пыталась наполнить ведро с дырой: сколько ни лей, оно не станет полным.

Лира слушала, и кусочки мозаики складывались в её голове. Не жадность торговцев, не капризы природы — а решение, принятое наверху, породило эту волну. И теперь она катилась вниз, накрывая всех: пекаря, ткачиху, кузнеца, детей, стариков... всех, кто просто хотел жить честно и спокойно.

— Значит, это и есть дыхание Дракона, — прошептала она. — Он не сжигает поля. Он сжигает уверенность. Он делает так, что труд перестаёт быть ценным.

Старик посмотрел на неё с грустной улыбкой.

— Ты поняла главное, дитя. Дракон Инфляция не нуждается в огне и мече. Его оружие — цифры. Его крепость — недоверие. И победить его можно только одним способом: вернуть людям веру в то, что их труд чего-то стоит.

Толпа вокруг продолжала шуметь, но для Лир этот шум стал тише. Теперь она слышала за ним другую мелодию — мелодию беды, которая нарастала, как прилив. И она знала: её путь к Ледяному замку Стабилизации должен начаться с понимания этой беды. Нельзя укротить пламя, не зная, откуда оно взялось.

Она поднялась, выпрямилась, и хотя её доспехи по-прежнему казались здесь неуместными, теперь в них была другая сила — сила понимания. Она не просто стражница, защищающая стены. Она — защитница справедливости, и справедливость требовала разобраться в том, что происходило с королевством.

Солнце стояло высоко, заливая рынок золотым светом. Но золото это было обманчивым. Оно не грело. Оно слепило, заставляя людей не видеть, как рушится их мир.

Лира посмотрела на толпу, на лица, искажённые тревогой и усталостью, и прошептала, скорее себе, чем кому-то ещё:

— Я найду способ это остановить.

И с этими словами она шагнула вперёд — туда, где тень над рынком становилась всё гуще, а путь к разгадке — всё яснее.

Глава 3. «Шёпот монет: тайна избытка»

Путь Лир вёл вниз — туда, где солнце не заглядывало вовсе, где воздух был густым, тяжёлым, пропитанным запахом раскалённого металла и древней пыли. Подземелья Королевского монетного двора лежали под сердцем столицы, скрытые от любопытных глаз, охраняемые не столько стражами, сколько самой тишиной, которая здесь звучала как предупреждение.

Каменные ступени, стёртые тысячами подошв, вели всё глубже. Факел в руке Лир отбрасывал неровные блики, и тени плясали по стенам, будто шептали: «Не спускайся. Не узнавай». Но Лира не могла остановиться. Рынок кричал о беде, старик на площади назвал её причину, но ей нужно было увидеть источник — то место, где рождалось золото, которое теперь становилось легче.

Наконец она вышла в огромный зал, вырубленный прямо в скале. Здесь царило вечное лето — нет, даже не лето, а пылающий полдень. В центре зала, окружённый железными решётками, горел горн, и пламя в нём было не обычным: оно переливалось янтарём, багрянцем, алым — словно само золото отдавало свой цвет огню. Над чанами с расплавленным металлом склонялись мастера в прожжённых фартуках, их лица были тёмными от копоти, а глаза — усталыми, но внимательными.

А у огромного пресса, похожего на спящего каменного зверя, стоял старик — седой, с руками, покрытыми шрамами и мозолями, будто каждая линия на них была историей чеканки. Это был Главный мастер монетного двора, хранитель тайны металла.

— Ты не похожа на тех, кто приходит сюда за золотом, — произнёс он, не оборачиваясь. Голос его звучал глухо, перекрывая даже лязг молотов. — Ты пришла за ответом.

Лира шагнула вперёд, стараясь не потерять твёрдости в голосе:

— Я пришла понять, почему золото стало легче. Почему на рынке люди теряют всё, хотя трудятся так же, как раньше. Говорят, здесь рождается причина этой беды.

Мастер наконец повернулся. В его глазах Лира увидела не только усталость, но и боль — ту, что приходит, когда знаешь правду, но не можешь её остановить.

— Лёгче... — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Золото не становится легче. Металл остаётся тем же. Но его душа меняется.

Он махнул рукой, приглашая Лиру подойти ближе к прессу. Тот дрожал, будто живой, и каждый его удар отдавался в груди, как тяжёлый шаг судьбы.

— Смотри, — сказал мастер. — Вот он — «волшебный пресс». Так его называли в детстве, когда я только пришёл сюда учеником. Казалось, что это чудо: одно нажатие — и появляется монета. Больше золота — больше богатства. Король тоже так думал. «Если у всех будет много монет, все будут счастливы», — говорил он. И приказал чеканить больше. Каждый день — всё больше.

Лира смотрела, как под ударом пресса металл сдавался, принимая форму круга, как на нём проступали символы короны и солнца. Но в этом не было радости — только механическая неизбежность.

— Но счастье не в количестве, — тихо продолжил мастер. — Счастье в ценности. А ценность — в доверии. Когда монет слишком много, люди начинают шептаться: «А стоит ли эта монета того, что я за неё отдам?» И тогда каждый продавец, каждый ремесленник добавляет к цене ещё немного — на всякий случай. Ведь завтра монета может стоить ещё меньше. И волна недоверия катится по королевству, как лавина.

Он подошёл к чану с расплавленным золотом. Металл мерцал, как жидкое солнце, и в его отблесках Лира видела не богатство, а опасность — ослепительную, манящую, разрушительную.

— Хочешь, расскажу легенду? — вдруг спросил мастер, и голос его стал тише, почти шёпотом, чтобы не разбудить эхо. — Говорят, давным-давно в одном королевстве жил король, который нашёл «волшебный пресс». Он думал, что сможет накормить всех, одеть всех, сделать всех богатыми. Он чеканил монеты день и ночь, пока горы золота не превратились в моря. Но вскоре люди перестали принимать их всерьёз. Они начали мерить ценность не в монетах, а в буханках хлеба, в кусках ткани, в поленьях дров. Потому что хлеб не исчезал, ткань не теряла цвет, дрова грели. А монеты... монеты становились просто кружками металла. И королевство, которое хотело стать самым богатым, стало самым бедным — потому что потеряло самое главное: веру в то, что труд чего-то стоит.

Лира слушала, и перед её глазами вставали лица тех, кого она видела на рынке: пекарь, ломающий счёты, ткачиха с пустым станком, кузнец с тяжёлым взглядом. Теперь она понимала: их беды начинались здесь, в этом зале, где металл превращался в символы, которые теряли смысл.

— Значит, враг не снаружи, — прошептала она. — Не дракон, который прилетает с гор и сжигает поля. Враг — в решении, принятом из лучших побуждений. В желании сделать всех счастливыми... и в непонимании, что счастье нельзя выковать молотом.

Мастер кивнул, и в этом движении было столько горечи, что Лире захотелось закрыть глаза, чтобы не видеть её.

— Да, — сказал он. — Иногда самые добрые намерения оставляют самые глубокие раны. Мы думали, что даём людям богатство. А на самом деле... мы дали им иллюзию. И теперь эта иллюзия пожирает их труд.

В зале снова раздался удар пресса — тяжёлый, гулкий, будто сердце, бьющееся слишком быстро. Лира вздрогнула, но не от страха, а от осознания.

— Тогда что делать? — спросила она, глядя прямо в глаза мастеру. — Как остановить эту лавину?

Мастер помолчал, словно взвешивая каждое слово.

— Чтобы остановить лавину, нужно убрать её причину. Нельзя чеканить больше монет, пока люди не верят в их ценность. Нужно вернуть баланс. А для этого... — он посмотрел на Лиру, и в его взгляде вспыхнула искра надежды, — для этого нужен кто-то, кто напомним королевству: настоящее богатство — не в золоте. Оно в труде, в доверии, в справедливости. Кто-то, кто не побоится сказать правду, даже если она звучит как приговор.

Лира выпрямилась. Её доспехи, покрытые пылью подземелий, снова обрели смысл. Она была не просто стражницей стен — она была защитницей правды. И теперь она знала: чтобы победить Дракона Инфляции, ей нужно не сражаться с огнём, а вернуть людям веру в то, что их труд имеет цену.

Она повернулась, чтобы уйти, но мастер окликнул её:

— Возьми это.

Он протянул ей одну монету — не новую, блестящую, а старую, потёртую, с едва заметными следами времени.

— Пусть она напоминает тебе: ценность не в блеске. Ценность — в том, что за ней стоит.

Лира сжала монету в ладони. Та была тёплой, будто хранила в себе тепло рук тех, кто её зарабатывал. И в этот момент она поняла: борьба только начинается. Впереди — долгий путь к Ледяному замку Стабилизации, к Духу, который знает, как укротить пламя роста цен. Но теперь у неё было не только мужество — у неё было понимание.

Она вышла из зала, оставив за спиной гул молотов и мерцание расплавленного золота. Подземелье оставалось позади, но его тайна теперь жила в её сердце. И с каждым шагом вверх, к свету, Лира чувствовала, как тяжесть знания становится силой — той самой, что поможет ей спасти королевство от невидимого врага.

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в цвета золота и меди. Но теперь Лира смотрела на этот свет иначе. Она знала: золото может быть и благословением, и проклятием. Всё зависит от того, как с ним обращаются.

И она поклялась себе: она сделает так, чтобы оно снова стало благословением.

Глава 4. «Караван сквозь бурю: урок купца Рамира»

Чем дальше Лира уходила от столицы, тем тоньше становилась ткань привычного мира. Поля сменялись холмами, холмы — сухими предгорьями, а воздух становился сухим и колючим, будто сам ветер здесь был не другом, а испытанием. На границе королевства, где земля будто забывала, к какой стороне горизонта ей тянуться, Лира впервые по-настоящему ощутила, как хрупок порядок, который она привыкла защищать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.